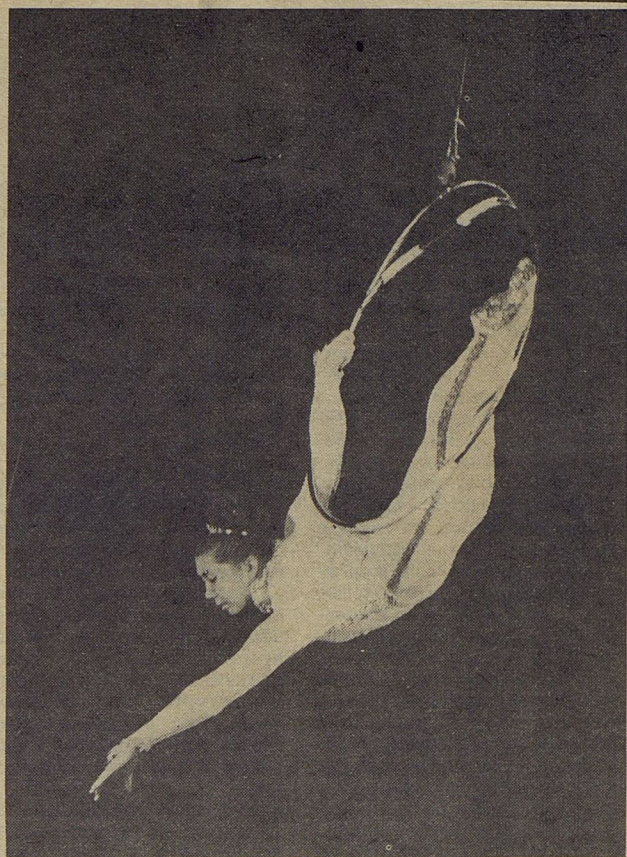

РОЖДАЮТСЯ У НАС, СВЕТЯТ - НА ЗАПАДЕ

Это было пять лет назад. За несколько дней до защиты диссертации, посвященной созданию художественного образа в цирке, меня известили, что мной совершена "грубая" ошибка. В качестве яркого образца в номерах героико-романтического направления в воздушной гимнастике я в работе анализировал номер Любви Писаренковой. "Ошибка" состояла в том, что артистка за год до этого осталась на Западе и одно лишь упоминание ее имени считалось крамолой и могло стоить диссертанту ученой степени.

При всей очевидной нелепости и надуманности такого "мнения" возникли нешуточные трудности. И все-таки, как бы там ни было, защита диссертации состоялась. Состоялась защита доброго творческого имени большой артистки.

Существует устойчивое заблуждение, что цирк держится на "крепких середняках". Че-пу-ха!

Цирк как искусство жил и живет талантами!

Героиня предлагаемого читателю очерка-интервью, воздушная гимнастка Любовь Писаренкова, личность незаурядная, высоко талантливая во всех смыслах - артистическом, человеческом, каком угодно.

Пять лет назад, как уже сказано, Любовь Писаренкова вынуждена была остаться за рубежом, где была понята и оценена должным образом. В который раз случилась постыдная для великой цирковой державы история, когда звезда манежа, родившись здесь, светит - на Западе. Горько, что молчание об этой замечательной артистке длилось шесть лет. Отрадно, что, пусть хотя бы на уровне газетной публикации, мы вновь слышим ее голос.

Владимир СЕРГУНИН,
кандидат искусствоведения

Любовь Писаренкова - воздушная гимнастка, супер-звезда эстрады и цирка, действительно, без всякого преувеличения, рождалась четыре раза.

Первый раз, как любой из нас, в каком-то там роддоме. Второй раз - как актриса. Затем, после страшного падения, - и как человек, и как актриса. И, наконец, четыре года назад, когда во время гастролей Ленинградского мюзик-холла на Сейшельских островах вместе со своим мужем, талантливым молодым эквилибристом Юрием Красновым, попросила политического убежища в американском посольстве, - и как человек, и как актриса, и как свободный гражданин.

И сегодня, спустя годы, испытав столько ударов судьбы, сколько не всякий здоровый мужчина выдюжит, эта миниатюрная, стройная женщина не только продолжает все так же блистательно выступать, но, на мой взгляд, еще более углубила содержание своей работы, окончательно соединив воздушную гимнастику с балетом.

И хотя американская публика, "испорченная" трехмнежными цирками-монстрами типа "Ринглинг"... в массе своей считает, что цирк - лишь демонстрация сногсшибательных трюков, по тому, с каким успехом принимают номера, выстроенные по канонам хореографии Любви Писаренковой и Юрия Краснова, становится ясно, что настоящее, большое искусство понятно всюду.

Наша встреча произошла во Флориде, в замечательном по красоте парке аттракционов и заповеднике экзотических животных "Буш гарденсе". Здесь, в амфитеатре на две тысячи мест, солнечном, как и весь этот парк, зеленом, наполненном воздухом и светом, вот уже полгода выступают Любовь и Юрий. Судя по тому, что сцена эта считается престижной среди американских цирковых и эстрадных артистов, номера Писаренковой и Краснова высоко котируются.

Может быть, в этой моей радости за них примешано чувство злорадства по отношению к закосневшей системе Союзгосцирка? Может быть. Но лишь чуть-чуть. Больше жалости: такие потери - невосполнимы.

Конечно же, у Писаренковой "сложный" характер: она чересчур искренна, чересчур прямолинейна. За много лет работы она так и не научилась приспосабливаться к власти имущим, сюсюкать и вовремя поддакивать им. Она раздражала многих. И тем, что имея блестящий, выдающийся номер, не унижалась, не просила для себя ставок, званий, зарубежных поездок. И тем, что как режиссер и хореограф, постоянно бесплатно помогала молодым коллегам. И тем, что все время придумывала что-то новое, пробивала, отстаивала, не давая спокойно жить чиновникам от искусства.

Я хорошо помню ее эпопею в конце семидесятых-начале восьмидесятых годов с постановкой новаторского для цирка и по форме, и по содержанию спектакля - рок-оперы по мотивам произведений Ж.Эффеля "Сотворение мира". Работу, стоившую Писаренковой, ее ученикам и сподвижникам колоссальных моральных, физических и материальных затрат. "Старательные" чиновники Союзгосцирка задушили идею в самом зародыше, так и не позволив показать зрителю. Может быть, они рассчитывали, что Писаренкова уйдет уже тогда? Ведь и до этого столько пинков и зуботычин выдержала. Но она осталась. И потому что любила цирк, и потому, что не имела особого выбора.

Это здесь, в Америке, стране, к счастью, обделенной всемогущей системой наподобие Союзгосцирка, ты можешь, рассорившись с одним менеджером, перейти к другому. Впрочем, и тогда был выход, может не лучший, но все-таки был: уйти на эстраду.

- И вы сделали его? - спросил я Любу.

- Но не сразу, возразила она. - Наверное, я была очень советским человеком, потому что до последнего верила, что можно изменить, ну, если не систему, то людей, которые с ней сотрудничают.

Шел 84-й год, мы только что поженились с Юрой. Много работали над его номером. Когда мы познакомились, Юра был довольно самоуверенным молодым человеком. Ему внушили, что у него потрясающий, совершенно законченный номер. Он и вправду делал очень сложные трюки в эквилибристике, а финальный - спуск на голове по наклонной проволоке, - просто сумасшедший. Я сказала, что у него прекрасные природные данные и из него мог бы выйти очень хороший танцовщик. А так многого не хвата-

ло. А финальный спуск мало того, что неэстетичный, но и крайне опасный. В конце концов, однажды эта дурацкая проволока разрешила его чуть ли не пополам.

15 дней Юра не мог ничего есть, его всего зашивали. Случайно остался жив. Я и как режиссер, и как жена, запретила ему исполнять этот трюк.

Мы очень много работали, меняли композицию, пластику, музыку, свет. И, наконец, показали новый номер. Прием был блестящий, номер понравился всем, кроме... руководителя программы - Олега Константиновича Попова. Он выпалил весь свой арсенал ругательных слов и категорически заявил: "Краснов в этом варианте работать не будет!"

Пришлось обращаться к директору, это было в Ярославле. Я сказала, что я профессиональный режиссер, окончила ГИТИС. У Попова, при всей его популярности, нет режиссерского образования. Возможно, когда-то он был хорошим клоуном, но это не дает ему права решать творческие судьбы людей. Ведь по-сути то, что сделал Краснов, - новое в жанре эквилибристики. Этому надо бы радоваться! Как вы думаете, кого поддержал директор: скандалистку Писаренкову или Народного артиста СССР? Правильно, и мы вынуждены были приостановить сделанную работу.

Ничего, сказала я себе, приеду в Союзгосцирк, там меня поймут.

Боже мой, жизнь меня так много била, меня так часто обманывали, а я все оставалась наивной дурочкой, верящей, что кто-то поймет, услышит, поддержит.

Не только не услышали, наоборот, начали травить, как могли. И для начала нам с Юрой дали разнарядки в разные города. В общем... нас вынудили уйти. Это было в 84-м году. Вскоре мы перешли в Ленинградский мюзик-холл. В свое время, в 60-х, я начинала в мюзик-холле, правда, в Московском. Здесь своя аудитория, иная, по сравнению с цирком, сценическая площадка. И мы вновь переделали Юрин номер.

- Ваше трагическое падение произошло именно там, в мюзик-холле?

- Да. Летом 84-го мы отработали в Сочи и 15 октября должны были начать гастроль в Днепродзержинске. К сожалению, балету дали порепетировать, а солистам - нет. Пошла работать. Заканчивала. Все темповые, сложные трюки уже были завершены, и в тот момент, когда я просто сидела в кольце, делая комплимент, трос, который держали униформисты, оборвался. Я рухнула вместе с кольцом с высоты 8 метров на жесткий пол сцены. Левая рука в кисти была разможена, позвоночник в двух местах переломан, были переломы в тазобедренном суставе. Все считали, что я уже не выживу...

Потом, когда я все же выжила, все стали уверять, что ходить самостоятельно я никогда не буду, обречена на неподвижность. Боли были дикие и вначале меня держали на обезболивающих уколах. Вскоре из Днепродзержинска меня перевезли в Москву, в ЦИТО.

Мне не хочется ничего говорить о врачах и нашей медицине. Просто не было лекарств, не было ухода, не было заботы. Все, кто хоть раз лежал в наших больницах, об этом знают.

Когда через полтора месяца с моей руки сняли гипс, не сгибался ни один палец.

"Да ведь я же инвалид!?" - закричала я. И мне стали ломать руку заново...

Потом я начала учиться держать шею, как двухмесячный ребенок. Когда не было врачей, я училась вставать. Они хотели полностью заковать меня в гипс, и я поняла, если соглашусь, никогда уже не только летать в воздухе, ходить по земле не смогу.

За бутылку французского коньяка мне сделали корсет, я стала учиться стоять. Сначала по 5-10 секунд, потом - дольше. За 25-30 рублей мы приглашали то массажиста, то невропатолога, то специалиста по иглотерапии. Потом я стала ползать на четвереньках. Было ужасно больно, но я знала: инвалидом я жить не буду. Постепенно стали появляться мышцы. Ведь в момент падения все мои мышцы улетучились. Да-да, ноги и руки в один момент превратились в спички, точно, точно после Освенцима. Оказывается, мышцы - кладовая организма, все они пошли для заживления позвоночника.

... Но Юре нужно было в тот момент ехать в Ленинград, иначе его грозились уволить из мюзик-холла. А я не могу подняться, у меня по ночам приступы.

Кое-как меня все же до Ленинграда довезли. Я начала лежать преподавать хореографию, потихоньку ходить, лежать подтягиваться.

- Не страшно ли было?

- Не то слово, ужасно больно. Помните андерсеновскую "Русалочку"? Когда она шла, в ее пятки впились иголки. Вот так же и у меня. Но иголки впились по всему моему телу. Каждый шаг вызывал муку. Но я не давала себе возможности лежать, могла ползать всю ночь и пытаться вставать, идти. У меня не было выбора: или вновь научиться ходить и работать, или не жить.

Когда через 10 месяцев Юра с коллективом отправился в ГДР, я уже выходила на сцену и ассистировала ему... Зрители не догадывались, что я в корсете. А потом мы поехали в Монголию, и 8 октября 85 года - вновь поднялась в воздух. Без недели, год прошел с того злополучного дня в Днепрпетровске...

Конечно, работа была не полной и позвоночник постоянно болел. Мне сказали - три-четыре года понадобится для полной консолидации позвоночника. Разломившись на два куска, один кусок позвоночника ушел у меня под живот, а второй - под спину. Необходима была операция. Но, как позже сказали мне специалисты, у меня был настолько сильно развит мой собственный мышечный корсет, благодаря постоянным тренировкам, что своими мышцами, без хирургического вмешательства, я сама подогнала друг к другу осколки позвонков. И консолидация произошла.

- То, что после такой страшной травмы вы вернулись в воздух, история совершенно фантастическая. Я знаю, что даже ваши недруги были поражены и, как мне кажется, восхищены вашим мужеством.

- Не меньший фурор произвел на всех и ваш "побег". В Союзе, правда, об этом знали только в артистических кругах. Но здесь, в Штатах, о вас и Юрии, насколько я знаю, писали крупнейшие газеты?

- Да, и "Нью-Йорк пост", и "Нью-Йорк таймс", и телевидение очень много сообщало о нас.

- Как все это произошло? Честно говоря, для меня это было очень неожиданно. Да и не только для меня.

- В сентябре 86-го года ленинградский мюзик-холл приехал на гастроли по Сейшельским островам, Танзании и Эфиопии. На островах мы работали всего четыре дня. Это страна социального направления. Поэтому, скажем, в американском посольстве там работает всего три человека, а в советском - больше восьмидесяти.

Впрочем, это к делу не относится. В самом начале гастролей нас обокрали. Свой же! В номере все было перевернуто. Пропало 60 долларов, которые мы с Юрой заработали. Конечно, сумма эта небольшая по нашим сегодняшним меркам, но ведь и получали мы тогда, как и все советские артисты, гастролерующие за рубежом, - крохи. И мы, и все в коллективе, знали, кто украл деньги. Но я думаю, искали не столько деньги, сколько, смешно сказать, драгоценности.

Это тогда более смешно, что за 30 лет работы в цирке и на эстраде, регулярно выезжая на гастроли за рубеж, я не имела ни бриллиантов, ни каких-то огромных денег, хотя, как мне казалось, жила вполне в достатке.

... Это уже здесь, в Америке, поняла, что все эти годы существовала ниже среднего уровня.

Но я вновь отвлеклась. Мы сообщили о краже руководителю коллектива И.Рахлину. И указали на воров. Вечером Рахлин собрал всю труппу и сказал, что если кто-то клеветал, накажут клеветников, а если воровство, накажут воров. Но сказано это было таким тоном, что ясно было, наказывать будут клеветников. Он как бы не сомневался в нашем вранье и был уверен в искренности воров. Хотя о том, что эти люди не чисты на руку, знали в коллективе многие.

Больше того, вечером нас вызвал в свой номер работник КГБ (раньше на все гастроли советских артистов за рубеж обязательно сопровождал "некто в штатском") и сказал, чтобы мы лучше и не поднимали этого вопроса, все равно все замнется, чтобы не выносить сор из избы, а мы проследим за скандалом. Нам стало ясно, что по возвращении придется расстаться с мюзик-холлом. Но где работать? В Рязанской филармонии? Два номера экстра-класса, плюс мой диплом об окончании ГИТИСа, - все это никому не нужно!

В цирке к нам отнеслись наплевательски, в Москонцерт не пригласили. Где работать? В ресторане, может быть? До этого мы с Юрой еще не дошли. Хотя знаем, что здесь, в Америке, на ресторанных площадках выступают многие, если не все, советские эстрадные артисты. Да вот совсем недавно на три дня впустили в русский ресторан "Националь" в Нью-Йорке лауреатов премии Ленинского комсомола ансамбль "Песняры". Впрочем, это право каждого - выбирать.

Так мы приняли решение. И рано утром 25 сентября, когда все еще спали, не взяв ничего из вещей, ни костюмов, ни реквизита, даже часы и украшения оставили в номере, чтобы не вызывать подозрений, мы на такси приехали в американское посольство. Как это ни странно, никто не бросился нас искать два дня, хотя мы с Юрой были дисциплинированные артисты, никогда никуда не опаздывали. А тут - нет два дня?! В конце концов работники американского посольства сами позвонили советским коллегам и сообщили, что артисты Любовь Писаренкова и Юрий Краснов попросили политического убежища.

Дважды мы встречались с советским послом. Он произвел удручающее впечатление. Мало того, что от него пахло перегаром, человек этот оказался малокультурным, хамом. Он сразу начал угрожать нам, но, поняв, что нас трудно чем-то запугать, сказал, высокомерно обращаясь к американцам: "Я поздравляю вас с хорошим приобретением!". Кто-то из американцев покачал головой: "В стране, где дипломаты так разговаривают с артистами, наверное трудно жить".

Потом мы улетели в Нью-Йорк, нас взял под свою опеку комитет помощи беженцам. Мы стали думать, как начать здесь работать, ведь советское посольство отказало нам в

получении личных вещей, костюмов, реквизита. (Мы так до сих пор и не знаем, где они).

- Для всех этот побег был неожиданным. Для всех, кроме вас? Или вы, все-таки предполагали заранее такой шаг?

- Наверное, я слишком русская. И хотя многое меня в той жизни, в которой я жила, задевало и обижало, уезжать никогда не собиралась. Всегда чему бы и где бы я ни училась, я старалась все делать на совесть. Я с отличием окончила цирковое училище, с отличием ГИТИС, мне хотелось отдавать то, чему я научилась. Да, может быть, я много ворчала, я нажила себе порядком врагов своим строптивым характером, но мне хотелось, чтобы было лучше, чтобы легче жилось артистам, чтобы они были свободней в творчестве, чтобы чиновники от искусства, раз уж они есть, не мешали, но помогали нам. Но уезжать? Нет, такого у меня и в мыслях не было. Но когда нас обокрали, весь этот разбор... не знаю, причиной это назвать нельзя, но скорее, той каплей, которая переполнила чашу терпения. Я поняла, что в мюзик-холле с этими людьми я работать больше не смогу. Значит, нам в Союзе вообще больше нигде работать.

Может, будь мы средней руки артисты, нам было бы проще и там, и здесь. Но когда ты так много отдал и так много взял от людей, которые соприкасались с тобой, ты уже ответственен не только перед собой, но и перед ними. Мне хочется отдавать свои знания, свой опыт, но в Союзе никому они не понадобились. Кругом, в руководстве ли циркового училища, где я могла бы преподавать, в Союзгосцирке ли, сидели или некомпетентные, далекие от искусства люди, или алчные, наподобие двух последних генеральных директоров, один из которых за взятки сел в тюрьму, а другого со скандалом выгнали.

Недавно, в ноябрьском номере журнала "День" было опубликовано интервью с Екатериной Максимовой. На вопрос, почему они с Владимиром Васильевым при тех сложностях, которые испытали, не покинули страну, она ответила, что у них всегда, когда они того хотели, была возможность поехать на отдых или на гастроли за рубеж, и это их спасало. Если бы такой возможности у них не было, не исключено, что они последовали бы по стопам Барышникова и Нуриева.

Я, к сожалению, такой возможности не имела никогда и всегда в творчестве от кого-то зависела. Когда я пыталась сделать что-то новое, необычное, скажем, цирковую рок-оперу "Сотворение мира", мне не только не помогли, но всячески мешали, усматривая, видимо, в этом какую-то опасность.

Да, можно говорить об обидах. Помню, когда "Литературная газета", пытаясь разобраться, в чем причина упадка нашего цирка, вслед за беседами с Никулиным и Поповым подготовила большое интервью со мной, редколлегия отклонила его лишь на том основании, что у Писаренковой, видите ли, нет звания заслуженной или народной (?). Но ведь это же как раз и есть одна из причин регресса советского цирка, где долгое время поощрялись не лучшие, а всего лишь послушные артисты. Чтобы, не дай Бог, не начали "выступать" против руководства, тем самым подтачивая его устои. Ведь часто высокие ставки и звания у нас на родине давали только за активную партийную или общественную деятельность. Или, как в случае с Милаевым, которому вручили Звезду Героя Соц.Труда только потому что он зять Брежнева.

Здесь, в Америке, все это вызывает улыбку и кажется глупым чванством. Но тогда и там, все это, к сожалению, имело значение.

Я везде была неугодна. И подумала: если я не нужна родной стране, может быть, смогу отдать то, что имею, - Америке? Может быть, здесь я окажусь нужной? А тут еще эта кража и скандал...

- Итак, вы прилетели в Нью-Йорк, получив статус беженцев?

- Да, прежде всего, нам нужно было приготовить реквизит и пошить костюмы. Но здесь нет профессиональных мастерских. Есть специалисты-частники, а их мы не знали. Как, собственно, вообще ничего не знали. Хорошо еще, Юра свободно говорит по-английски, это здорово нас выручало. В обыкновенных театральных мастерских, где делают декорации, нам за большие деньги изготовили плохой реквизит. Но все же это был реквизит. Можно было начинать. Потихоньку мы стали работать.

Появилась пресса уже не как о политических беженцах, а как об актерах. Скажем, журнал "Cirkus Report" написал, что они видели много советских номеров, но номер Любови Писаренковой, по их мнению, лучший номер советского цирка, а учитывая, что советский цирк - лучший в мире, можно сделать вывод, что Америка стала обладать лучшим номером мирового искусства. Столь же восторженно писали и о работе Юры Краснова. О том, что обычно эквилибристы низкорослые крепыши, а здесь - высокий, стройный парень исполняет сверхсложные трюки в эквилибристике и к тому же обладает великолепной балетной подготовкой и использует ее в номере.

- Пять лет, как вы здесь. То ли это, к чему стремились? Я понимаю, что человек, особенно такой, как Вы, никогда не бывает полностью удовлетворен, и все-таки?

- Да, мы с Юрой все решаем сами: место работы, оплату, количество концертов или представлений, композицию номеров, пластику, музыку, костюмы. Мы совершенно самостоятельны в творчестве. Об этом можно было только мечтать. И как актеры, мы здесь совершенно раскрепощены. Мы делаем то, что хотим. Если нас находит менеджер и ему что-то не нравится в нашей работе, мы говорим: "Бай!" и идем к другому менеджеру. Правда, до сих пор у нас такого не было. Здесь можно выбирать, здесь меня никто не обидит и не оскорбит, что было на каждом шагу у нас, где каждый чиновник, начиная с инструктора райкома, считал себя специалистом в искусстве.

- Простите за нескромный вопрос, но если не хотите, можете не отвечать на него. Как вам живется здесь материально?

- Но, почему же, я отвечу. Когда я уехала из Советского Союза, у меня на книжке было 20 тысяч рублей. За тридцать лет работы. При том, что я не транжира по характеру, терпеть не могу ресторанов, никогда не пила и не курила, безразлично относилась к тряпкам и драгоценностям. Всегда для меня главным было искусство, ему я посвятила свою жизнь. Бывали программы, где у меня было до 5-6 выходов:

и танцевала, и пластический этюд исполняла, а в групповом акробатическом номере, и на лошади... И все, что у меня осталось - 20 тысяч рублей. Никаких других ценностей у меня не было. В Москве я имела двухкомнатную квартиру, которая здесь называется "однабедрум", в таких живут только очень бедные люди. Сейчас у меня есть полностью выкупленный дом. По советским меркам в нем три комнаты внизу и четыре, огромные, на втором этаже. Кроме того, в штате Индиана мы купили ферму с участком в 32 акра и прекрасным озером.

У меня замечательные спенические костюмы, о которых я не могла мечтать в Союзе. Мы с Юрой подготовили шоу на 1,5 часа и к нему пошили 22 костюма - ярких, нарядных. Кто-то из русских художников, смотревших наш спектакль, пошутил: "Ваше шоу - блестяще во всех смыслах этого слова".

Сейчас нам доступны самые ценные и самые модные ткани, дорогая осветительная аппаратура. При этом мы не эксплуатируем ни свои номера, ни свое здоровье. И если, скажем, здесь, в "Буш гарденсе", артисты в нашем амфитеатре работают каждый день по три раза, мы с Юрой никогда этого не делаем. Наш принцип: лучше меньше, да лучше.

И, конечно, мы мечтаем со временем открыть свою школу. Я думаю, через два-три года это будет реально.

По сути, всех этих материальных благ мы добились довольно быстро, учитывая, что первый год мы работали всего где-то 20 дней, второй - 40 и только последние два года работаем много, включая турне в Японию. Дело в том, что мы щадим себя, стараемся выбирать, не бросаемся на всякое предложение. Есть у меня здесь и режиссерские работы. А один из моих учеников, гимнаст на трапеции Микельанджело Наст, недавно стал лауреатом циркового фестиваля в Сарасоте.

- А как вы прижились в американской среде: язык, традиции, нравы?

- С языком все, вроде, в порядке: меня понимают, я понимаю. Конечно, до Юры мне далеко, он по-английски говорит свободно. Да и в других отношениях Юре значительно легче, чем мне. Он по характеру космополит, в нем нет такой преданности русской литературе, балету, театру, как во мне. Он любит эту жизнь, она его устраивает: возможность купить, что хочешь, увидеть, что хочешь, поехать куда хочешь. Да и я понимаю, как это здорово, быть свободным. Но театры, общение со старыми друзьями - по этому порой скучаю. А может быть, я просто ною. Но вот вспомню про нашу ферму, про дом, про озеро, в котором плавают черные лебеди, и понимаю, что ничего этого ни на что уже никогда не сменяю. Знаете, свобода, возможность без оглядки делать то, что ты можешь и любишь - это великая вещь. И как бы порой не тянуло в Москву, понимаю, что только здесь я смогу осуществить задуманное: создать свою цирковую студию, обучать ребят правильно понимать балет и цирк и, кто знает, может быть, подготовить когда-нибудь программу, о которой мечтала с детства, такой цирковой балет. Но не буду загадывать, мы ведь только начинаем жить.

Я хотел, шутя, добавить: "В четвертый раз". Но промолчал. Потому что Люба неожиданно сама, точно услышав меня, сказала:

- Иногда кажется, что у меня было несколько жизней, так все перевернуто. Но нет, это только кажется. Странно, но по-настоящему верить в Бога я стала только здесь, в Америке. И эта вера помогает мне еще больше любить и ценить эту жизнь, какой бы сложной и вихревой она у меня ни была.

Беседу вел Александр РОСИН
г.Тампа, Флорида
Фото ВЛОНЯРСКОГО